ВАДИМ ВАСС

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАКОН



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

В ОКОВАХ ОКУЛЯРА

Вадим Васс

Железный закон. В оковах окуляра

«Автор»
2026

Васс В.

Железный закон. В оковах окуляра / В. Васс — «Автор», 2026

Действие начинается в 1936 году, в закрытом городе оборонного значения «Союзград-1», расположенном между Москвой и Ленинградом. Здесь пар из трубопроводов смешивается с лозунгами о светлом будущем, здесь легендарный капитан НКВД Игнат Гордеев по прозвищу «Железный Комиссар» — беспристрастный, как автомат, вершащий правосудие на месте — сталкивается с заговором, который ведёт на самый верх власти и в самые глубокие годы его детства.

© Васс В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приговор номер один 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Вадим Васс
Железный закон. В оковах окуляра

Глава 1. Приговор номер один

Дым съедал свет. Не тот чистый, почти невидимый пар из труб «Светлого Завтра», а густую, маслянистую сажу, вырывавшуюся из сотен раструбов «Трудового Пояса». Она смешивалась с искрами от шлифовальных станков, создавая в воздухе цеха 17 завода «Большевик» адскую, мерцающую полутьму. Воздух гудел низким, проникающим в кости гудением парового сердца гиганта — турбины «Днепр», работавшей за стеной. Запах — смазочного масла, раскалённого металла и человеческого пота.

Игнат Гордеев стоял на верхней галерее, в тени массивной паровой трубы. Его длинный кожаный плащ, прошитый изнутри противопульным материалом, не шевелился в спертом, горячем воздухе. Под ним — китель, с нашивкой НКВД, на бёдрах — кобуры с хромированными ТТ, «скорозарядники» и подсумки снаряженные магазинами с патронами разных типов. На глазах — «Окуляр Правосудия». Сложный агрегат из полированного металла и линз, от которого исходило лёгкое, угрожающее шипение, похожее на отдалённый разряд статического электричества. Правая линза сейчас была переведена в режим тепловидения, окрашивая мир в пятна оранжевого, красного и синего.

Внизу, в огромном приямке для стока окалины, между двумя бездействующими гигантскими прессами, горели три керосиновые лампы. Люди. Двенадцать теплых оранжевых силуэтов. С одной стороны — шестеро в промасленных комбинезонах, но с неестественно полными мешками у ног. Спекулянты. С другой — шестеро в темных, грубых плащах из брезента, лица скрыты капюшонами. Контрабандисты из Подгорода. Между ними — ящики. В оптике Окуляра они светились холодным синим: дефицитные авиационные алюминиевые сплавы, аккуратные катушки медных сердечников и кварцевые резонаторы для ультракоротковолновых раций.

Гордеев беззвучно сместил переключатель на Окуляре. Линза щелкнула. Теперь он видел усиленным светом, как в сумерках. Он различил потные, нервные лица спекулянтов, блеск самодельных обрезов у контрабандистов. Его левая рука, не занятая оружием, легла на перила. Металл был обжигающе горяч.

Он не стал использовать громкоговоритель. Не было нужды в словах для них. Только констатация.

Его шаг гулко отозвался по металлической решетке галереи. Все двенадцать голов внизу резко дернулись вверх.

— Стоп! Кто идет?! — сиплый крик одного из контрабандистов.

Гордеев спустился по лестнице. Медленно, тяжело. Каждый его шаг был отмерен, как удар метронома. Он сошел на бетонный пол, и свет одной из керосиновых ламп упал на него. Длинная тень от плаща легла на группу людей, слившись с мраком цеха. Баллистические линзы Окуляра отразили пламя, вспыхнув двумя красными точками.

— ЧК! — завыл один из спекулянтов, и его рука рванулась за пазуху.

Гордеев был быстрее. Правая рука — молниеносное движение. Хромированный ТТ, модифицированный, с удлиненным стволом и супрессором, уже был в его руке. Выстрел был негромким, приглушённым — пшт! Бронебойная пуля калибра 7.62 мм вошла спекулянту точно между глаз. Задняя часть черепа взорвалась кровавым туманом, брызги ударили по механизму пресса. Тело рухнуло на пол, дёргаясь в последней агонии.

Хаос. Крики. Рваный огонь из обрезов. Пули засвистели вокруг Гордеева. Он не уворачивался, он стрелял на опережение. Одна пуля попала в его плащ, оставив вмятину, но не пробив особый материал. Одна шаркнула по бронешлему — глухой, металлический лязг. Он лишь слегка наклонил голову.

Его мир сузился до тактики и приговоров. Он двинулся вперед. Шаг. Выстрел в грудь контрабандисту — пшт! Шаг. Поворот, выстрел в колено спекулянту, пытавшемуся бежать — хруст, вопль. Не смертельно. ИТЛ.

— Рассеивайтесь! — орал главарь контрабандистов, паля из нагана.

Гордеев прицелился через Окуляр. Автоматический дальномер вывел поправку. Выстрел. Пуля прошла через плечо главаря и срикошетила от стальной балки, попав в живот его подручному. Оба упали.

За десять секунд тишина вернулась. Точнее, ее заполнил только гул турбины и стоны. Шесть тел лежали неподвижно. Трое корчились от ран. Трое стояли на коленях, руки за головой, в лужах крови и масла, трясясь.

Гордеев подошел к ближайшему выжившему спекулянту. Тот плакал, слюна стекала по подбородку.

— Имя, — голос Гордеева был низким, монотонным, лишенным модуляций, как голос из рупора.

— П-Петров... Рабочий 3-го разряда...

Гордеев взглянул на мешки с деталями. Окуляр выделил маркировку. «Собственность Народного Комиссариата Обороны. Категория "Секретно"».

— Петров. Статья 58-7. Подрыв государственной промышленности. Хищение социалистической собственности в особо крупных размерах, — произнес Гордеев, глядя не на человека, а сквозь него, словно читая с невидимого протокола. — Приговор: высшая мера наказания. Расстрел.

— Нет! Я же для семьи! Дети...

Выстрел в затылок. Пшт. Тело плюхнулось лицом в лужу.

Гордеев перевел взгляд на контрабандиста с простреленным коленом.

— Незаконное перемещение стратегических материалов, — продолжил он. — Десять лет исправительно-трудовых лагерей. С последующей пожизненной пропиской в «Фундаменте».

Он прошел мимо, к главарю, который, истекая кровью из плеча, пытался ползти. Гордеев наступил сапогом на его рану. Тот закричал.

— Организации преступной шайки, контрабанда, спекуляции в особо крупных размерах, вооруженное сопротивление сотруднику власти, — сказал Гордеев. — Расстрел.

Он выстрелил в затылок главаря. Перед смертью тот что-то успел прошептать — молитву или проклятие.

Пшт.

Таким же холодным, методичным порядком Гордеев вынес приговоры оставшимся трем выжившим. Двоим — срок. Приговор третьему закончился коротким приглушённым пшт.

Тишина, нарушаемая только навязчивым гулом «Днепра». Гордеев вставил свежий магазин, проверил по Окуляру тепловые следы. Никого. Дело закрыто. Он повернулся и пошел к выходу.

На проходной его уже ждал молодой чекист в форме, бледный, старающийся не смотреть на пятна на плаще комиссара.

— Товарищ капитан. Вас срочно вызывает товарищ Круглов. В кабинет.

Гордеев кивнул, не сказав ни слова. Он сел в ожидающий броневик «Сталь-9». Машина, похожая на стального жука на гусеницах, с рычащими дизельным двигателем, рванула с места, выбрасывая клуб чёрного выхлопа в и без того грязное осеннее небо Союзграда-1.

Штаб-квартира НКВД Союзграда-1 была монолитом стали и бетона, утыканным прожекторами и рупорами. Лифт, скрежеща шестернями, поднял Гордеева на верхний этаж. Он вошел в кабинет, пропахший дорогим табаком, армянским элитным коньяком и властью.

Начальник управления, майор госбезопасности Валерий Львович Круглов, стоял у огромного окна, смотря на море огней Трудового Пояса. Он был крупным мужчиной, чье массивное телосложение и жесткое, даже жестокое лицо с тяжелой челюстью говорили о силе и беспощадности. Темные, с проседью волосы были коротко зачесаны назад, открывая высокий, частично лысеющий лоб. Его китель сидел идеально, седые виски были аккуратно подстрижены. На столе перед ним лежал необычный предмет: изящный, словно ажурный, механизм из латуни и синей стали, размером с часы, с множеством мелких деталей и обломанными проводами.

— Игнат Ильич, — Круглов обернулся. Улыбка была широкой, но не достигала холодных, оценивающих глаз. — Операция на «Большевике»?

– Докладываю: ликвидировано девять, трое доставлены в следственный изолятор. Преступная схема пресечена.

— Эффективно. Чисто. Как всегда. Молодец, Игнат. Не как у тех, кто по приказу стреляет. Ты — по убеждению. Я тебя этому учил. — Круглов подошел к столу и указал на механизм. — Но отвлекись от спекулянтов. Появилась новая проблема. Более... изобретательная.

Гордеев подошел. Его Окуляр сфокусировался, увеличив изображение. Он увидел устройство тончайшей работы.

— Что это?

— Это, товарищ капитан, причина остановки турбогенератора «Днепр» на сорок семь минут сегодня в 04:30, — голос Круглова потерял дружелюбие. — Не взрывчатка. Не молоток в шестерни. Это... устройство. Оно было подключено к системе управления паром. Изменило давление, ввело ложные показания на датчики, заставило автоматику заглушить турбину, чтобы предотвратить «катастрофу». Потом самоуничтожилось. Остался этот осколок.

Гордеев взял механизм. Он был холодным и невероятно легким.

— Диверсия.

— Да. Но не слепая. Точная, хирургическая, интеллектуальная. Идеологическая. На месте нашли листовку. — Круглов протянул листок дешевой бумаги. На нем был оттиск не типографской, а какой-то самодельной машинки: «Попробуй найти меня, Комиссар. МЕХАНИК».

— «Механик», — произнес Гордеев, опуская листовку.

— Именно. Вызов адресован тебе лично. «Железному Комиссару». Этот «Механик» уже третью диверсию совершил. Мелкие, но дразнящие. Останавливает, но не ломает. Он испытывает тебя на прочность. — Круглов сел за стол, сложив руки. — Так что теперь он — твоя цель. Высший приоритет, Игнат Ильич.

Гордеев поставил механический осколок на стол. Линзы Окуляра щёлкнули, вернувшись к обычному режиму.

— Методология? — спросил он.

— Гений или сумасшедший. Возможно, оба. Работает не один. У него есть ресурсы, доступ к сложным технологиям. Ищи его в Фундаменте, среди отбросов. Или... — Круглов сделал многозначительную паузу, — среди тех, кому мы слишком доверяем в «Светлом Завтра». Он прислал нам вызов. Твой долг — найти его и ликвидировать. Любой ценой.

— Понял, — Гордеев развернулся к выходу. Его тень, отброшенная светом настольной лампы, гигантской и безликой, легла на карту Союзграда-1 на стене.

— И, Игнат Ильич, — остановил его Круглов. — К тебе прикрепят технического советника из НИИ «Энигма». Специалист по кибернетике и сложным механизмам. Поможет анализировать артефакты этого... Механика.

Гордеев остановился, не оборачиваясь.

— Не нуждаюсь в помощи.

— Это не просьба. Это приказ. Она уже ждет внизу. Инженер Соколова... Дочь Виктора Соколова... Будь с ней... вежлив. Мы многим обязаны её отцу.

Гордеев молча кивнул. «Обязаны её отцу». Фраза Круглова, будто ключ, вскрыла в памяти знакомый, как служебная инструкция, факт. Виктора Соколова, гения из НИИ «Энигма», нашли в 1920-м у своего подъезда –изуродованного, с проломленным черепом. Забили стальными прутьями, словно скот. Это был человек, которому Игнат Гордеев был обязан не просто карьерой, а самим существованием.

Именно Соколов разработал «Окуляр Правосудия», намертво сросшийся с висками. Этот прибор сканировал местность, выискивал улики, фиксировал вину на плёнку. А потом выносил вердикт: ЛИКВИДАЦИЯ или СРОК. Сухой, металлический голос в костях черепа. Игнату оставалось лишь нажать на спуск, или зачитать приговор. Без эмоций. Без прокуратуры. Скорость, эффективность, чистота. Настоящий чекистский суд, но в эпоху микрочипов и перфокарт.

Один человек – и целый отдел можно распустить по домам. Если бы Соколова не стерли в кровавое месиво, таких, как Игнат, должны были быть сотни. Армия железных комиссаров на всю необъятную Родину. Но вышло иначе. Он стал первым. Подопытным. И пока что – последним. Единственным палачом в системе, которую убили в зародыше.

Гордеев вышел, не ответив. Дверь закрылась с мягким, почти беззвучным стуком.

Круглов снова взял в руки изящный механический осколок, повертел его в пальцах. Потом убрал в ящик стола. На его лице не было ни гнева, ни озабоченности. Было лишь холодное, расчётливое намерение.

Внизу, в зале для ожидания, залитом холодным светом неоновых трубок, сидела девушка. Молодая, светловолосая в скромном, но хорошо сшитом платье инженерного покроя, с портфелем, набитым чертежами. Анастасия Соколова. Её глаза, большие и живые, полные любопытства и скрытого страха, смотрели на дверь лифта. Она сжимала и разжимала пальцы, повторяла в уме первую фразу комиссару, легенде и кошмару Союзграда, в которого она была тайно влюблена с тех пор, как впервые увидела его стальную фигуру на параде.

Она не знала, что лифт уже спускался. И что за дверью был не просто человек, а неумолимая сила, которая начнёт раскалывать его железный мир изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.